

Николай Гавриловичъ Чернышевскій ¹⁾.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

XIV. С м е р т ь .

Николай Гавриловичъ, никогда серьезно не болѣвшій, считалъ свою болѣзнь пустяками. Хотя докторъ и требовалъ, чтобы Н. Г. былъ въ полнѣйшемъ покоѣ, и даже предупредилъ, что умственные занятія онъ долженъ на время оставить,—Н. Г. не повѣрилъ представителю медицины, и потому послѣ визита доктора, по обычаю, долго занимался переводомъ Вебера, даже при высокой температурѣ. Когда пришелъ навѣстить его хозяинъ квартиры, Никольскій, то Н. Г. высказалъ ему свое удивленіе, что при сильной жарѣ онъ перевелъ около *шестнадцати* печатныхъ страницъ ²⁾.

Но это сразило его.

Повидимому, и самъ докторъ считалъ заболѣваніе Н. Г.—ча не изъ опасныхъ, такъ какъ не считалъ нужнымъ болѣе посѣщать его и только въ случаѣ ухудшенія состоянія больного просилъ прислать за нимъ. Самому же больному писателю постоянное посѣщеніе врача было, очевидно, непріятно.

Вечеромъ съ Н. Г. опять былъ пароксизмъ перемежающейся

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

²⁾ Я напечаталъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1910, III, 990—92, по воспоминаніямъ П. А. Никольскаго, о приходѣ домохозяина въ квартиру Чернышевскихъ, по смерти Н. Г.—ча. Никольскій, будто бы, никогда не былъ знакомъ съ Н. Г.—чемъ; пришелъ, будто бы, оплакать свои потерянные деньги: „кто мнѣ будетъ платить дальше“, говорилъ онъ. На самомъ дѣлѣ, домохозяинъ былъ знакомъ съ Н. Г.—чемъ, и такой сцены быть не могло.

болотной лихорадки. Чернышевскій бредилъ и находился въ безсознательномъ состояніи. Послали за докторомъ Брюзгинымъ, но его не было дома. Квартирантъ Чернышевскихъ, Токарскій, отправился самъ разыскивать докторовъ, врачъ Никифоровъ, какъ ни упрасивалъ его г. Токарскій, не поѣхалъ, потому что не согласился „практиковать изъ-за спины товарища“ (впрочемъ, Никифоровъ сказалъ, что на консиліумъ, если хотять, онъ пріѣдетъ); другихъ докторовъ Токарскій не засталъ дома, и только одинъ М. И. Кротковъ оказался дома и согласился лѣчить. Заѣзжалъ г. Токарскій и къ Брюзгину въ отсутствіе послѣдняго изъ дома, но не сказалъ его домашнимъ, что пріѣхалъ за докторомъ для Чернышевскаго. Въ два часа ночи пріѣхалъ, по приглашенію, и докторъ Брюзгинъ. Лѣкарства не дѣйствовали. Больной былъ въ одномъ и томъ же положеніи; сознаніе—затемнено вѣсколько болѣе, чѣмъ раньше, однако, при громкомъ окликѣ, Н. Г. какъ бы просыпался на нѣсколько минутъ и давалъ связные отвѣты на вопросы. Изрѣдка больного шевелили и расталкивали; тогда онъ отвѣчалъ на вопросы докторовъ отдѣльными словами, а иногда и цѣлыми фразами, изрѣдка и самъ скажетъ что-нибудь. Но пульсъ былъ хорошій; селезенка—увеличена. Этотъ пароксизмъ доктора приписывали дѣйствию яда болотной лихорадки на мозговья оболочки. Такія явленія маляріи часто бываютъ въ Саратовѣ.

Рѣшено было составить консиліумъ. Докторъ Брюзгинъ пробылъ до шести часовъ утра.

Въ восемь часовъ шестнадцатаго октября Брюзгинъ и Кротковъ опять осмотрѣли Николая Гавриловича и опредѣлили болѣзнь особой формой болотной лихорадки. Когда Кротковъ сказалъ: „Покажите языкъ“, то Н. Г. (это былъ послѣдній отвѣтъ,—послѣ него Н. Г. уже не приходилъ въ себя) отвѣтилъ на это: „Языкъ мой... толстъ... его высунуть нельзя... если... его... высунуть... то... его... отрѣжутъ...“ (или „могутъ отрѣзать“—въ другой редакціи).

Черезъ нѣкоторое время опять забредилъ: „Этого... человѣка... дни... сочтены... осталось ему... жить... не болѣе полторы... недѣли... жалко, что... медицина безсильна“...

Въ десять часовъ состоялся консиліумъ изъ докторовъ: Брюзгина, Кроткова и Бонвеча, приглашеннаго по совѣту А. И. Ровинскаго; хотя были приглашены и другіе доктора (между прочимъ, Розенталь и Погосскій), но консиліумъ состоялся ранѣе ихъ пріѣзда, въ виду опаснаго состоянія больного. На консиліумѣ доктора пришли къ такому заключенію о болѣзни Николая Гавриловича: „Несомнѣнно, что приступы болотной лихорадки дѣйствуютъ и на мозгъ, такъ что злокачественная малярія влечетъ кровоизліяніе;

но и отрицать, чтобы не было какого-либо мозгового явления,— нельзя“.

Предписано—принимать больному хининъ.

Доктора знали, что Н. Г. въ продолженіе нѣсколькихъ дней былъ въ возбужденномъ и нервномъ состояніи, что зависѣло отъ семейныхъ обстоятельствъ и стѣсненности въ денежныхъ средствахъ. Вообще, жизнь Н. Г.—ча, была не изъ радостныхъ; одному изъ родственниковъ онъ какъ-то сказалъ: „Вы думаете, что въ Сибири мнѣ жилось нехорошо? Я только тамъ и счастливъ былъ“ (??).

Это, а равно усиленное занятіе переводомъ при высокой температурѣ, было причиной того, что болѣзнь приняла опасное направленіе.

Когда было сказано Ольгѣ Сократовнѣ о результатахъ консилиума,—она чуть не кричала: „Не вѣрю вамъ: я убѣждена, что съ нимъ воспаленіе мозга“. Доказать ей несправедливость ея мнѣнія было нельзя; нужно было оставаться равнодушнымъ ко всему тому, что она дѣлала и говорила. Доктора такъ и поступали.

Въ два часа дня опять были Брюзгинъ и Кротковъ. Больной потѣлъ, температура упала; онъ находился въ безсознательномъ состояніи. Кромѣ того, замѣтили упадокъ сердечной дѣятельности и односторонній параличъ. „При насъ“, говоритъ д-ръ Брюзгинъ, „въ сознаніе не приходилъ“.

Дали возбуждающія средства: ледъ на голову и digitalis. Въ четыре часа ушли.

Въ шесть часовъ вечера доктора нашли, что состояніе больного нисколько не измѣнилось: пульсъ не поднимается, по-прежнему—безсознательное состояніе.

Николай Гавриловичъ проглотилъ одну чайную ложку digitalis.

Доктора констатировали безнадежное состояніе больного. Стали вспрыскивать подъ кожу мускусъ и эфиръ и давали дышать кислородомъ. Замѣтивши отекъ легкихъ, поставили сухія банки, послѣ которыхъ отекъ исчезъ. Доктора пробыли до десяти часовъ вечера.

Въ двѣнадцать часовъ, когда пришли врачи, состояніе больного не измѣнилось; давали тѣ же возбуждающія средства и заставляли больного дышать кислородомъ.

Около часа ночи (за полчаса до смерти, или, по другой редакціи, не болѣе, какъ за часъ до смерти) получена телеграмма отъ московскаго доктора, Бокова, который спрашивалъ о болѣзни и лѣченіи Чернышевскаго: „Спросите у докторовъ о болѣзни и чѣмъ лѣчатъ они Николая Гавриловича“. Въ отвѣтъ на телеграмму, Кротковъ и Брюзгинъ послали Бокову подробное описаніе болѣзни и ея леченія. Такъ какъ безнадежность положенія Н. Г. была оче-

видна, то они послали отвѣтъ Бокову уже послѣ смерти Чернышевскаго.

За двадцать минутъ до смерти, лѣченіе прекращено, и съ минуты на минуту ждали конца. Доктора ясно видѣли и понимали, что больной долженъ скоро умереть. Нужно было предупредить Ольгу Сократовну, чего доктора очень опасались: они такъ много терпѣли отъ нея, постоянно нервной, терпѣли незаслуженныя оскорбленія, и если, говоритъ Брюзгинъ, оставались лѣчить, то единственно изъ уваженія къ больному. О. С., измученная и изстрадавшаяся, спала крѣпкимъ сномъ уже часа два и, повидимому, совершенно успокоилась отъ тѣхъ нервныхъ припадковъ, которые были съ нею. Ее разбудили и со страхомъ передали грустныя вѣсти о положеніи больного. Она была ненормально спокойна. Сверхъ ожиданія, О. С. выслушала докторовъ спокойно, тихо вошла въ комнату Николая Гавриловича и простилась съ нимъ. Когда доктора окончательно убѣдились въ безнадежномъ состояніи больного, послали за іеромонахомъ Діонисіемъ для напутствія умирающаго.

Но, вотъ, у больного пульса нѣтъ, дыханіе стало замедляться, оно дѣлалось все рѣже и рѣже. Казалось, что, вотъ, уже пришла смерть, но, нѣтъ, черезъ нѣсколько минутъ опять слышно продолжающееся дыханіе. Тяжело было всѣмъ. Это тяжелое душевное состояніе окружающихъ еще болѣе увеличивало тишину ночи.

Николай Гавриловичъ вздохнулъ нѣсколько разъ и тихо умеръ. Это было въ двѣнадцать часовъ 37 минутъ ночи ¹⁾. При кончинѣ присутствовали: Ольга Сократовна, М. И. Кротковъ, А. В. Брюзгинъ, А. А. Токарскій, его квартирантъ Буковскій.

Когда Н. Г.—ча положили на столъ въ передней уголъ,—слѣпой старикъ Н. Д. Пыпинъ, попросивъ подвести себя къ усопшему, проговорилъ: „Прощай, бѣдный Чернышевскій! Здоровый же ты какой былъ! Твой отецъ скончался въ одинъ мигъ, а ты проболѣлъ три дня“ ²⁾.

Іеромонахъ Діонисій, приглашенный Ольгой Сократовной для причащенія больного, пришелъ уже тогда, когда Николай Гавриловичъ уснулъ вѣчнымъ сномъ; онъ, повидимому, очень разсердился, что его разбудили ночью, и, увидя покойника, съ сердцемъ проговорилъ: „Что къ мертвому-то приглашаете?“.

¹⁾ Въ своихъ бумагахъ Ф. В. Духовниковъ отмѣтилъ эту дату знакомъ вопроса.

²⁾ Другая редакція: „Прощай, Николай! А все-таки ты, братъ, сильнѣе своего отца: тотъ умеръ въ одинъ моментъ, а ты умиралъ цѣлыя сутки“.

Метрическая книга Нерукотворенно-Спасской церкви внесла въ свой скорбный списокъ:

Метрической книги на 1889 годъ, часть третія о умершихъ.

Счетъ умершихъ.		Мѣсяць и день		Званіе, имя, отчество, и фами- лія умершаго.	Лѣтъ умершаго.		Отъ чего умеръ.	Кто исповѣдывалъ и приобщалъ.	Кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребенъ.
Мужеска.	Женска.	Смертн.	Погребенія.		Мужеска.	Женска.			
22	—	Октя 17	Брѣ 20	Николай Гавриловъ Чернышевскій. Протоіерей Лаврентій Нечаевъ. Псаломщикъ Аркадій Князевскій.	61	—	Отъ апоплексіи мозга.	Крестовой церкви Іеромонахъ Дюнисій.	На Воскресенскомъ кладбищѣ.

Такъ все кончилось. Похоронили. На могилѣ, на Воскресенскомъ кладбищѣ, поставили памятникъ. Окружили цвѣтами могилу ¹⁾. Студенты сложили тягучую, грустную, томительную пѣсню:

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ,—
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ.

* * *

Служилъ ты недолго, но честно
Для блага родимой страны;
И мы, твои братья по дѣлу,
Твой прахъ на могилу снесли.

* * *

Твой врагъ надъ тобой не глумился,
Тебя окружали свои;
Своими руками закрыли
Орлиныя очи твои.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Говорить ли, что въ Саратовской семинаріи, гдѣ учился Н. Г., его смерть прошла никѣмъ незамѣченной? Семинаристы только слышали, что умеръ Чернышевскій. Реакція мрачныхъ восьмидесятыхъ годовъ давала себя чувствовать. Въ настоящее время могила начинаетъ приходить въ упадокъ.

Въ Саратовѣ проживаетъ вдова великаго писателя-гражданина во флигелѣ на дворѣ того самаго дома, гдѣ родился дорогой сердцу каждаго образованнаго человѣка Николай Гавриловичъ. До сихъ поръ она свято чтитъ память своего мужа, до сихъ поръ бережетъ, какъ святыню, все то, что хотя немного напоминаетъ Н. Г.—ча. Ея лицо и теперь говоритъ, что въ свое время это была выдающаяся красавица. Крайняя деликатность составляетъ отличительную черту Ольги Сократовны. Однажды бывшій у нея гость хотѣлъ было помочь ей закрыть трубу топившейся голландской печи. О. С. любезно отклонила его услуги, сказавъ, что сдѣлаетъ это непременно сама.